

Мои он чувства усыпляет,
Но действует душа и в нем;
Оставляя неподвижно тело,
Лежащее в моем одре,
Она свой путь свершает смело,
В стихийной пролетая пре.

В предпоследней, 23-й, строфе Державин уподобляет обретение бессмертия души процессу превращения гусеницы в летящую бабочку:

Как червь, оставя паутину
И в бабочке взяв новый вид,
В лазурну воздуха равнину
На крыльях блещущих летит,
В прекрасном веселясь убранстве,
С цветов садится на цветы:
Так, и душа, небес в пространстве
Не будешь ли бессмертна ты?

Отметим, что описание самого превращения из ползающего состояния в состояние полета отражает суть философских и поэтических представлений Державина, не раз высказанных поэтом.¹²

Заключая свой том (перелагая 20-ю оду II книги од Горация), Державин обращается к описанию грандиозного полета и физического превращения в лебедя в стихотворении «Лебедь», которое он начинает со слов:

Необычайным я пареньем
От тленна мира отделюсь,
С душой бессмертною и пеньем,
Как лебедь, в воздух поднимусь.

О самом превращении в лебедя говорится в 5-й строфе (у Горация в 3-й):

И се уж кожа, зрю, перната
Вкруг стан обтягивает мой;
Пух на груди, спина крылата;
Лебязьей лоснюсь белизной.

Может показаться, что в этих двух приведенных строфах (особенно в 5-й) Державин недалеко отступает от текста Горация. Однако, в то время как Гораций не говорит о душе и начинает описание полета со слов: «Non usitata nec tenui ferar / penna biformis per liquidum aethera», т. е. с доказательства необычности

¹² Философский подтекст этой строфы несет в себе явные созвучия в поэтике В. Набокова.